

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА
SECTION I. THEORY OF LANGUAGE**

УДК 81'22

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-1

Воркачев С.Г. | Семиотика символа по данным российского научного дискурса

Кубанский государственный технологический университет,
ул. Московская, 2, Краснодар, 350072, Россия
E-mail: vorkachevsergei@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-6290-2582

*Статья поступила 02 августа 2021 г.; принята 15 сентября 2021 г.;
опубликована 30 сентября 2021 г.*

Аннотация. На материале публикаций российских ученых исследуются представления о символе в гуманитарных науках. Проблема природы, сущности и назначения символа, поднятая еще в Античности, остается вполне актуальной и в настоящее время. В российской лингвистике «символическая» тематика занимает одно из ведущих мест, однако четкого и однозначного определения символ по-прежнему не находит. Устанавливается, что символ является зонтиковым семантическим образованием, покрывающим предметные области нескольких научных дисциплин, вне контекста конкретной научной области или теории он представляет собой протермин и может выступать в качестве родового имени любой семиотической единицы. В разряд конвенциональных знаков, у которых отношение планов выражения и содержания произвольно, попадает символика точных наук и большая часть языковых знаков, символика же всех прочих областей знания попадает в разряд мотивированных семиотических единиц, у которых план выражения тем или иным образом связан с планом содержания, и эта связь обусловлена подобием, смежностью или как-то иначе. Наделение мотивированного знака именем приводит к «удвоению» семантической структуры новообразования, когда означающее этого знака – образ или обобщенное представление – превращается в означаемое, отправляющее к еще одному означаемому, по отношению к которому оно выступает означающим. Символ в самом общем виде – это знак, в котором первичное содержание используется в качестве экспонента другого, более абстрактного и культурно ценного содержания. В список специфических видовых признаков символа, обязательных и факультативных, составленный по данным научного дискурса, входят: «векторность» – направленность символизации от конкретного к абстрактному; трансцендентность – выход за пределы наличного бытия; расплывчатость и зыбкость семантических границ, многослойность и глубина; истолковательность – необходимость активной работы мысли и воображения для постижения символизируемого смысла; закодированность глубинного смысла, таинственность и мистичность; «парольность» как предназначенность для посвященных; интуитивность; эмоциогенность, мобилизующая сила;

аксиологичность и идеологичность. Факультативными свойствами символа выступают эстетическая привлекательность, подчеркивающая его социально-культурную значимость, и, для древних символов, – архетипичность как принадлежность к числу первичных идей и образов. В число функций символа входят: общесемиотические – информативная и коммуникативная; специфические – гносеологическая, аксиологическая, эмотивно-аффективная, социальная, культурно-объединительная, репрезентативная, а у части символов – эстетическая и мобилизирующая.

Ключевые слова: Символ; Знак; Семиотика; Функция; Семантический признак; Мотивированность; Конвенциональность

Информация для цитирования: Воркачев С. Г. Семиотика символа по данным российского научного дискурса // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т.7, №3. С. 3-14. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-1

УДК 81'22

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-1

Sergey G. Vorkachev

Semiotics of symbol according to the data
of the Russian scientific discourse

Kuban State Technological University,
2 Moskovskaya St., Krasnodar, 350072, Russia
E-mail: vorkachevsergei@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-6290-2582

Received 02 August 2021; accepted 15 September 2021; published 30 September 2021

Abstract. Based on the publications of Russian scientists, the notions of the symbol in the humanities are studied. The problem of the nature, essence and purpose of a symbol, raised back in Antiquity, remains quite relevant at the present time. In Russian linguistics, the "symbolic" theme occupies one of the leading places, but a clear and unambiguous definition of the symbol is still missing. It is established that a symbol is an umbrella semantic formation, covering the subject areas of several scientific disciplines, outside the context of a specific scientific field or theory, it is a pro-term and can act as a generic name for any semiotic unit. The symbolism of the exact sciences and most of the linguistic signs falls into the category of conventional signs, in which the correspondence of the plans of expression and content is arbitrary, the symbolism of the exact sciences and most of the linguistic signs, while the symbolism of all other areas of knowledge falls into the category of motivated semiotic units, in which the plan of expression is one way or another connected with the content plan, and this connection is conditioned by similarity, contiguity, or in some other way. Endowing a motivated sign with a name leads to a "doubling" of the semantic structure of a new formation, when the signifier of this sign – an image or a generalized representation – turns into a signified, sending to another signified, in relation to which it acts as a signifier. A symbol in its most general form is a sign in which the primary content is used as an exponent of another, more abstract and culturally valuable content. The list of specific characteristics of a symbol, both obligatory and optional, compiled according to scientific discourse, includes: "vector" – the direction of symbolization from the concrete to the abstract;

transcendence – going beyond the limits of real existence; vagueness and fragility of semantic boundaries, layering and depth; interpretation – the need for active work of thought and imagination to comprehend the symbolized meaning; coded deep meaning, mystery and mysticism; “passwordness”, intended for the initiated; intuitiveness; emotiogenicity, mobilizing force; axiology and ideology. The optional properties of a symbol are aesthetic appeal, emphasizing its socio-cultural significance, and, for ancient symbols, “archetypeness” as belonging to the number of primary ideas and images. The functions of the symbol include: generally semiotic – informative and communicative; specific – epistemological, axiological, emotive-affective, social, cultural-unifying, representative, and in some of the symbols – aesthetic and mobilizing.

Keywords: Symbol; Sign; Semiotics; Function, Semantic feature; Motivation; Conventionality

How to cite: Vorkachev S. G. (2021). Semiotics of symbol according to the data of the Russian scientific discourse. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.7 (3), 3-14, DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-1

Введение

Проблема символизма в европейской науке стоит со времен Античности: первую попытку уяснения сущности символа «как интуитивно постигаемого указания на высшую идеальную форму объекта» (Шейкин, 1998: 199) усматривают в философии Платона. Количество публикаций по «символической» тематике за последние десятилетия в российских гуманитарных дисциплинах практически необозримо: написаны сотни статей, защищены десятки диссертаций, а предвосхищенный П. А. Флоренским *Symbolarium* – словарь образов для обозначения понятий воплотился сегодня в многочисленных «Энциклопедиях символов». В российской лингвистике последних лет «символическая» тематика по популярности уступает, пожалуй, только тематике «концептуальной» (Воркачев, 2011: 64–65).

Предисловие одной из сегодняшних «Энциклопедий символов» открывается «оптимистическим» заявлением: «Определить символ нельзя» (Егазаров, 2003: 5). Менее категорично предлагается компромиссный подход к изучению символа: «удобнее не давать какого-либо всеобщего определения, а оттолкнуться от интуитивно данных нам нашим культурным опытом представлений и в

дальнейшем стараться их обобщить» (Лотман, 2000: 240), хотя здесь и не совсем понятно, как можно изучать предмет, не выделив в нем видовых отличий. В любом случае совершенно определенно «содержание понятия “символ” пока не имеет достаточно четкого очертания» (Алефиренко, 2000: 236).

С достаточными основаниями, как представляется, можно предполагать, что ‘символ’, как и ‘концепт’ (Воркачев, 2003: 5), является зонтиковым семантическим образованием, он «покрывает» предметные области нескольких научных дисциплин и направлений: точных наук, философии, психологии, логики, семиотики, искусствоведения, культурологии, лингвистики и др. Вне контекста конкретной научной области или теории/концепции ‘символ’ выступает, скорее, как протермин – семантическая «заготовка» для термина.

Как протермин ‘концепт’ способен передавать категориальное значение семантики в целом – любой смысл, понятие, а протермин ‘дискурс’ – передавать значение любой речевой деятельности (Воркачев-Воркачева, 2019: 14), так и ‘символ’ может выступать в качестве родового имени любой семиотической единицы – синонимизироваться со знаком вообще, что

наблюдается, прежде всего, в естественных науках – математике, физике, химии, логике, где под символом понимается «условный чувственно-воспринимаемый объект, вещественный, письменный или звуковой знак, которым человек обозначает какое-либо понятие (идею, мысль), предмет, действие или событие» (Кондаков, 1975: 533).

Теоретический обзор

Первое дихотомическое деление семиотических единиц осуществляется на основании соотношении их планов выражения и содержания, и тогда в один класс попадают знаки, у которых это соотношение абсолютно произвольно, условно («конвенционально») и никак не мотивировано, а в другой – знаки, у которых план выражения тем или иным образом связан с планом содержания и эта связь обусловлена подобием, смежностью или как-то иначе, т. е. мотивирована.

В разряд конвенциональных знаков попадает, прежде всего, символика точных наук и большая часть языковых знаков, символика же всех прочих областей знания попадает в разряд мотивированных семиотических единиц. Положение о том, что план выражения всех мотивированных знаков представлен каким-либо чувственно-предметным образованием, практически ни у кого не вызывает существенных возражений – мысль о том, что этот план может быть образован в том числе и абстракцией, встречается, скорее, как исключение: «Символ (от греч. *symbolon* – знак, опознавательная примета) – идея, образ или объект, имеющий собственное содержание и одновременно представляющий в обобщенной, неразвернутой форме некоторое иное содержание» (Ивин-Никифоров, 1997: 304). При этом, однако, не стоит забывать, что образ или обобщенное представление, занимающие место означающего, принадлежат сознанию, а не действительности (Арутюнова, 1999: 318),

и относятся к первой, чувственной ступени познания.

Как известно, на естественный язык можно перекодировать любую знаковую систему, наделение мотивированного знака именем приводит к «удвоению» семантической структуры новообразования, когда означающее этого знака – образ или обобщенное представление – превращается в означаемое, отправляющее к еще одному означаемому, по отношению к которому оно выступает означающим.

Во многих работах по исследованию символа чуть ли не в качестве обязательного присутствует раздел, посвященный видовому делению мотивированных знаков, в котором описываются отличительные признаки (образа), эмблемы, аллегории, художественного образа, метафоры, архетипа и, естественно, символа (Арутюнова, 1999: 313–370; Доброхотов, 2001: 532; Карасик, 2010: 31–32; Лосев, 1970: 10–11; Свасьян, 1980: 94–103 и пр.).

Из этого ряда разновидностей мотивированных знаков, обладающих языковым именем, наиболее полное и развернутое семантическое описание получил, как представляется, символ, в самом общем виде определяемый как знак, в котором первичное содержание используется в качестве экспонента другого, более абстрактного и культурно ценного содержания: «Наиболее привычное представление о символе связано с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного, содержания» (Лотман, 2000: 2400); «В широком семиотическом смысле символ есть такой знак, который предполагает использование своего первичного содержания в качестве формы другого, более абстрактного и общего содержания» (Шелестюк, 1997: 125).

Научные результаты и дискуссия

Сводный список специфических видовых признаков (свойств,

характеристик) символа, обязательных и факультативных, составленный по данным философии, психологии, семиотики, культурологии, лингвистики и прочих областей знания, насчитывает где-то полтора десятка пунктов.

Прежде всего, это «векторность» – направленность символизации от конкретного к абстрактному, от конкретного образа к общей идее.

Затем это трансцендентность – выход за пределы наличного бытия, воспринимаемого перцептивно: символ «всегда служит обнаружению чего-то неявного, не лежащего на поверхности» (Ивин, 2004: 766), представляя собой «дверь в иное» (Егазаров, 2003: 9).

Важнейшими отличительными характеристиками символа выступают признаки, связанные с многозначностью, неопределенностью и даже противоречивостью символизируемого содержания. Это и расплывчатость и зыбкость его семантических границ, и многослойность, и глубина, и в конечном итоге неисчерпаемость заключенных в нем смыслов: «У символа всегда имеется целое семейство значений. ... Он всегда не только многозначен, но и неопределен» (Ивин, 2004: 766); «Смысловая структура символа многослойна и рассчитана на активную внутреннюю работу воспринимающего» (Аверинцев, 1983: 607); «Имманентная многозначность символа означает наличие у него смысловой перспективы, цепочек значений, все более абстрактных по мере удаления от исходного значения, а также невозможность постичь его последний, главный смысл» (Шелестюк, 1997: 133); «Интерпретация знака-символа не допускает конечных процедур и однозначной “расшифровки”» (Доброхотов, 2001: 532). Отличительной характеристикой символа является также истолковательность – необходимость активной работы мысли и воображения для постижения символизируемого смысла, символ «это знак, предметное значение

которого обнаруживается только бесконечной интерпретацией самого знака» (Доброхотов, 2001: 532).

С необходимостью интерпретации символа связаны такие его свойства, как закодированность, «зашифрованность» глубинного смысла, таинственность и мистичность, «коммерциализируемые» в массовой культуре, на которых, к примеру, строится интрига в романах Дэна Брауна, героем которых выступает ученый-символолог проф. Лэнгдон: «Каждый символ является по своему характеру тайным или по крайней мере условным знаком» (ФЭС, 2003: 413).

Еще одним свойством символа, восходящим к его «культурной памяти», выступает «парольность», предназначенность для посвященных (Доброхотов, 2001: 532; ФЭС, 2003: 413): «У древних греков первоначально под словом “символ” подразумевался всякий вещественный знак, имеющий условное тайное значение для определенной группы лиц, например, для поклонников Кибелы, Митры. Символом называли знаки, по которым единомышленники узнавали друг друга (знак рыбы у первых христианских общин)» (Брокгауз-Ефрон, 2007: 555).

В качестве объекта познавательной деятельности символ отмечен интуитивностью, тем, что Лейбниц называет *cogitatio saesa* – «слепое мышление» (Свасьян, 1980: 90): «Единство значений символа никогда не является чисто познавательным, во многом оно основывается на интуиции и чувстве» (Ивин, 2004: 766); «В символе ... содержание лишь мерцает сквозь выражение, а выражение лишь намекает на содержание» (Лотман, 2000: 249).

Символ отличается эмоциогенностью и мобилизующей силой – социальные изменения зачастую начинаются как раз с изменений символическо-эмблематического характера (Похлебкин, 2001: 4).

Символы входят в качестве составляющих в мифы, они «представляют собой некие узловые точки в структуре

мифологической картины мира». (Шелестюк, 1997: 133); «Символ не только знак, но еще и часть мифа» (Егазаров, 2003: 13). В то же самое время символика непосредственно сопряжена с кодами культуры, при помощи которых кодируются архетипические представления человека, история и культура народа (Красных, 2003: 298; Безрукова, 2000: 709).

Символ – аксиологически маркированное семиотическое образование, он «связан с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более *ценного*, содержания» (Лотман, 2000: 240).

Более того, символ идеологичен в том смысле, что в нем отражены взгляды человека на мир: «Абсолютное большинство символов связаны с мировоззрением, “вероопределением”» (Безрукова, 2000: 709).

Символ представляет собой в некоторых случаях уникальное, «эксклюзивное» средство выражения смысла: «Символы с более абстрактным смыслом олицетворяют часто нечто такое, что иным путем, помимо символов, не может быть выражено» (ФЭС, 2003: 413).

Оба плана содержания символа сохраняют свою равноправность: «Символ предполагает равновесие идеи и образа» (Лосев, 1970: 10); «Прямое значение в символе сохраняет свою самостоятельность, его положение по отношению к абстрактным символическим значениям равноправно» (Шелестюк, 1997: 131).

Факультативными свойствами символа выступают эстетическая привлекательность, подчеркивающая его социально-культурную значимость (Шейкин, 1998: 199), и, для древних символов, – архетипичность как принадлежность к числу первичных идей и образов (Шелестюк, 1997: 136).

Образ, метафора, эмблема, аллегория, художественный образ и архетип отличаются от символа по одному или нескольким специфическим признакам.

Так, из этого семиотического ряда сразу же выпадает образ-картина/изображение, который сам по себе не является знаком, ни конвенциональным, ни мотивированным, поскольку представляя собой форму отражения воспринимаемых вещей и явлений, отправляет к самому себе: «Образ един: в его структуре потенциальные стороны знака – означаемое и означающее – не сформированы и не разделены семиотической связкой» (Арутюнова, 1999: 322). Как только образ приобретает второй план, он перестает быть образом и превращается в часть мотивированного знака – его означающее.

Метафора этимологически – перенос, «трансфер» одного семантического образования на другое, причем «носителем» (vehicle) здесь выступает слово. В этом смысле любой вербализованный мотивированный знак, в том числе и символ, представляется результатом метафоры, поскольку здесь с помощью слова один смысл переносится на другой: «...Символ возникает, как правило, в результате метафорического сопоставления и сближения удаленных друг от друга понятий» (Алефиренко, 2000: 240).

Эмблема отличается от символа по двум признакам: во-первых, если символ многозначен, то «эмблема представляет собой изображение, у которого есть точное однозначное объяснение. (Карасик, 2010: 32), во-вторых, если «символ – абстрактный знак, эмблема – изображение конкретного объекта» (Похлебкин, 2001: 11). Кроме того, символ и эмблема отличаются функционально: первый выступает как средство порождения смысла, вторая – как средство идентификации (Карасик, 2017: 328).

Аллегория представляет собой иносказательное обозначение некоей идеи, её иллюстрацию (Лосев, 1970: 10), где иносказание «снимается подстановкой вместо него прямого смысла» (Доброхотов, 2001: 532), и чаще всего выступает в виде

персонализации моральных качеств – добродетелей и пороков. В отличие от многозначности символа она допускает лишь один вариант истолкования (Карасик, 2010: 31). Помимо этого, смысл символа невозможно постичь рационально, одним лишь рассудком без участия интуиции (Первушина, 2011: 188).

Художественный образ по большому счету – это тот же символ, «изображенный» преимущественно вербально и ограниченный областью своего бытования – художественной речью. Приобретая свойства прецедентности – становясь достоянием национальной когниосферы, он в большинстве случаев превращается в лингвокультурный типаж.

И, наконец, архетип, введенный в научный обиход К. Г. Юнгом, также представляется разновидностью символа, ограниченного сферой древних образов, принадлежащих «коллективному бессознательному» (Алефиренко, 2000: 243).

По большому счету символ представляет собой своеобразный артефакт, созданный психикой человека – разумом и воображением, с помощью которых образ отделяется от фона и ему приписывается дополнительное содержание. Как и любое творение человека, символ функционален: предназначен для чего-то.

Функции символа достаточно многочисленны. Прежде всего, это общесемиотические функции, свойственные любому знаку: информативная – фиксации, сохранения, преумножения и передачи от поколения к поколению накопленных знаний – и коммуникативная – обеспечения общения в одной этнокультуре и между этнокультурами разных народов, а также создания «сообщества посвященных» (Доброхотов, 2001: 532).

Из числа специфических функций символа нужно указать гносеологическую – функцию познания и смыслопорождения, обнаружения «чего-то неявного, не лежащего на поверхности, непредсказуемого» (Ивин, 2004: 766), раскрытия

уровня реальности, недоступного иным семиотическим средствам. Присуща символу, конечно, и аксиологическая функция – носителя закодированной в нем ценностной информации, обеспечивающей уникальность и специфичность каждой культуры. Будучи обращенным к неосознаваемым глубинам человеческой души и, символ выполняет и эмотивно-аффективную функцию (Алефиренко, 2000: 238; Безрукова, 2000: 709).

Социальная функция символа заключается в его роли в социальной интеграции в качестве средства приобщения человека к нормам общежития и регулятора совместной деятельности. Особо значимой представляется культурно-объединительная функция символа – формирования единого этнокультурного сообщества, «цементирования» национальной культуры и установления её национальных границ (Алефиренко, 2000: 238; Лотман, 2000: 241).

У символа выделяются также репрезентативная функция – формы представления сознанию объекта познания (Спирова, 2009: 206), а у части символов – эстетическая и мобилизирующая функции.

Как можно было убедиться, символ – многопризнаковая и многофункциональная категория и, соответственно, типология символа может осуществляться на нескольких, в том числе и пересекающихся, основаниях (Первушина, 2011: 190; Сычева, 2000: 13–24 и пр.). Как и в случае видового деления дискурса (Воркачев-Воркачева, 2019: 18), наиболее распространенным и продуктивным, как представляется, выступает тематический принцип классификации символов, когда они распределяются по своим преобладающим «областям бытования» и доминирующим функциям. И тогда выделяются символы научные, метафизические, религиозные, художественные, социальные, идеологические (политические), бытовые (обиходные), мифологические, магические, мистериальные, мистические и пр. В основу видового

деления символа может быть положено его происхождение, источник возникновения, когда отприродные символы противопоставляются артефактным, созданным человеком, или же их диахроническое измерение – время возникновения в культуре: современные и древние, архетипические. По истинности либо ложности символизируемых идей символы противопоставляются симулякрам (Сычева, 2000: 13–24). Уже в границах видовой области выделяются подвиды символов, из которых особо значимой представляется такая разновидность политических символов, как национальные символы: государственные гимн, герб и флаг.

В первой половине 20-го века в лоне философии сформировалась новая гуманитарная дисциплина – культурология, в центре исследовательского интереса которой встал символ как базовый элемент культуры и универсальный инструмент её изучения (Доброхотов, 2001: 533; Радионова, 1998: 614). Основы культурологического изучения символа заложил неокантианец Эрнст Кассирер, сделавший символ универсальным способом объяснения духовной реальности – «предельно широким понятием человеческого мира» (Аверинцев, 1983: 608) – и определившим человека как «символическое существо/животное» – *animal symbolicum* (Ивин, 2004: 668). Приблизительно в это же время здесь же формируется еще одно научное направление – семиотика, основы которой заложили Чарльз Пирс и Чарльз Моррис и которая во второй половине этого века вполне органично слилась с культурологией в семиотике культуры, разрабатываемой Р. Бартом, Ю. М. Лотманом, К. Леви-Строссом, У. Эко и др.

В конце 20-го века в ходе общего антропологического поворота гуманитарных дисциплин произошло вполне ожидаемое слияние семиотики культуры с наукой о языке, поскольку в центре внимания последней стал «человек говорящий» – субъект и творец культуры,

давший имена её символам. В становление антропологической лингвистики, идеи которой восходят к В. Гумбольдту, и её российской ипостаси – лингвокультурологии, пафос которой воплощен в утверждении Эмиля Бенвениста о том, что «именно символ устанавливает ... живую связь между человеком, языком и культурой» (Бенвенист, 1974: 21), внесли свой вклад Э. Сепир, А. Вежбицкая, Н. Арутюнова, Ю. Степанов, В. В. Колесов и множество других исследователей. О том, что лингвокультурология состоялась как научное направление, несмотря на критику глобалистской «непримиримой оппозиции», отрицающей её аксиоматику (Воркачев, 2016: 25), свидетельствуют как её выход в дидактику – появление многочисленных учебников по лингвокультурологии, в которых затрагивается проблема символизации (Алефиренко, 2000; Маслова, 2001), так и обилие диссертационных работ по её тематике, где также символика не обходится стороной.

Как установлено, основной эвристической единицей лингвокультурологии является концепт, соответственно, лингвокультурный, который в самом общем виде сводится к понятию, «погруженному» в культуру и язык (Воркачев, 2011: 64). И если лингвокультурология занимается исследованием какой-либо лингвокультуры в целом, то лингвоконцептология изучает её отдельные фрагменты, из которых складывается национальная культурно-языковая картина мира.

Пожалуй, главным отличием лингвокультурного концепта от понятия выступает многослойность семантической структуры, в которой выделяются понятийная, образная, ценностная и значимостная составляющие, ведущей из которых выступает, конечно, образная. Образная составляющая лингвокультурного концепта разделяется на перцептивную, отражающую опыт чувственного восприятия денотата

концепта субъектом сознания, метафорическую, фиксирующую метафоры, с помощью которых понятийное наполнение концепта представляется сознанию и прецедентную, включающую закрепленные в языковом сознании ассоциативные признаки литературных и фольклорных персонажей, олицетворяющих исследуемый концепт (Воркачев 2016: 20). Вполне ожидаемо, что присутствие в семантическом составе лингвокультурного концепта образной составляющей, которая, кстати, может гипостазироваться и выступать отдельным объектом исследования, ставит вопроса о роли символа в лингвоконцептологии.

Можно допустить, что в «спрямленном» виде, по упрощенной схеме эволюцию симвонологии можно представить таким образом. Из философии как вместилища всех наук практически одновременно выделились культурология и семиотика, которые объединились в семиотике культуры. В следующем шаге на этапе антропологического поворота в гуманитарных дисциплинах семиотика культуры соединилась с лингвистикой и образовала лингвокультурологию, получившую «второе имя» в лингвокультурной концептологии.

Заключение

Символ является зонтиковым семантическим образованием, покрывающим предметные области нескольких научных дисциплин, вне контекста конкретной научной области или теории/концепции 'символ' выступает как протермин – семантическая «заготовка» для термина. 'Символ' может выступать в качестве родового имени любой семиотической единицы – синонимизироваться со знаком вообще.

Первое дихотомическое деление семиотических единиц осуществляется на основании соотношении их планов выражения и содержания, и тогда в один класс попадают знаки, у которых это соотношение произвольно, условно и

никак не мотивировано, а в другой – знаки, у которых план выражения тем или иным образом связан с планом содержания и эта связь обусловлена подобием, смежностью или как-то иначе, т. е. мотивирована. В разряд конвенциональных знаков попадает символика точных наук и большая часть языковых знаков, символика же всех прочих областей знания попадает в разряд мотивированных семиотических единиц.

Наделение мотивированного знака именем приводит к «удвоению» семантической структуры новообразования, когда означающее этого знака – образ или обобщенное представление – превращается в означаемое, отправляющее к еще одному означаемому, по отношению к которому оно выступает означающим. Символ в самом общем виде – это знак, в котором первичное содержание используется в качестве экспонента другого, более абстрактного и культурно ценного содержания.

В список специфических видовых признаков символа, обязательных и факультативных, составленный по данным научного дискурса, входят: «векторность» – направленность символизации от конкретного к абстрактному; трансцендентность – выход за пределы наличного бытия; расплывчатость и зыбкость семантических границ, многослойность и глубина; истолковательность – необходимость активной работы мысли и воображения для постижения символизируемого смысла; закодированность, «зашифрованность» глубинного смысла, таинственность и мистичность; «парольность», предназначенность для посвященных; интуитивность; эмоциогенность и мобилизующая сила; аксиологичность и идеологичность. Факультативными свойствами символа выступают эстетическая привлекательность, подчеркивающая его социально-культурную значимость, и, для древних символов, – архетипичность как принадлежность к числу первичных идей и образов.

В число функций символа входят: общесемиотические – информативная и коммуникативная; специфические – гносеологическая, аксиологическая, эмотивно-аффективная, социальная, культурно-объединительная, репрезентативная, а у части символов – эстетическая и мобилизирующая.

Список литературы

- Аверинцев С. С. Символ // *Философский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия. 1983. С. 607–608.
- Алефиренко Н. Ф. Символизация культурного пространства // *Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка*. М.: Флинта-Наука, 2000. 224 с.
- Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Безрукова В. С. *Основы духовной культуры. Энциклопедический словарь педагога*. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2000. 937 с.
- Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
- Брокгауз Ф., Ефрон И. *Иллюстрированный энциклопедический словарь*. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
- Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 24. М., 2003. С. 5–12.
- Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2011, том 70, № 5, с. 64–74.
- Воркачев С. Г. *Ex pluribus unum: лингвокультурный концепт как синтезное образование* // *Вестник РУДН. Серия лингвистика*. 2016. Т. 20. С. 17–30.
- Воркачев С. Г., Воркачева Е. А. *Дискурс и его типология в российской лингвистике // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. № 3. Владикавказ, 2019. С. 73–79. С. 14–21. DOI: 10.29025/2079–6021-2019-3-14-21
- Доброхотов А. Л. Символ // *Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3*. М.: Мысль. 2001. С. 532–534.
- Егазаров А. *Иллюстрированная энциклопедия символов*. М.: Астрель-АСТ, 2003. 723 с.
- Философия: энциклопедический словарь / под ред.: А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. С. 766–768.
- Ивин А. А., Никифоров А. Л. *Словарь по логике*. М.: Владос, 1997. 384 с.
- Карасик В. И. *Языковая кристаллизация смысла*. М: Гнозис, 2010. 351 с.
- Карасик В.И. *Языковая пластика общения*. Волгоград: Парадигма, 2017. 462 с.
- Кондаков Н. И. *Логический словарь-справочник*. М.: Наука, 1975. 717 с.
- Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
- Лосев А. Ф. Символ // *Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 5*. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 10–11.
- Лотман Ю. М. *Семиосфера*. СПб.: Искусство–СПб, 2000. 704 с.
- Маслова В. А. *Лингвокультурология*. М.: Академия, 2001. С. 95–108.
- Первушина Н.А. *Феномен символа: концептуальные проблемы исследования* // *Вестник ТГПУ*. Томск: ТГПУ. 2011. №11. С. 187–191.
- Похлебкин В.В. *Словарь международной символики и эмблематики*. М.: Международные отношения, 2001. 560 с.
- Радионова С.А. Символ // *Новейший философский словарь*. Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 614–615.
- Свасьян К. А. *Проблема символа в современной философии: (Критика и анализ)*. Ер.: АН АрмССР, 1980. 226 с.
- Спирова Э.М. *Функции символа* // *Знание. Понимание. Умение*. М.: МосГУ, 2009. № 2. С. 205–211.
- Сычева С. Г. *Проблема символа в философии*. Томск: Томский университет, 2000. 197 с.
- ФЭС – *Философский энциклопедический словарь* / Ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. М.: Инфра-М, 2003. 576 с.
- Шейкин А. Г. Символ // *Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2*. СПб.: Университетская книга-Алетейя, 1998. С. 199–200.
- Шелестюк Е. В. *О лингвистическом исследовании символа* // *Вопросы языкознания*. 1997. № 4. С. 125–141.

References

- Averintsev, S. S. (1983). Symbol, in Il'ichev, L. F. (ed.), *Filosofskij entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary], Sovetskaja entsiklopedija, Moscow, Russia, 607–608. (In Russian)
- Alefrenko, N. F. (2000). *Simvolizatsija kul'turnogo prostranstva* [Symbolization of cultural space], *Lingvokul'turologija. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguoculturology. Value-semantic space of language], Flinta-Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)
- Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man], *Yazyki russkoj kul'tury*, Moscow, Russia. (In Russian)
- Bezrukova, V. S. (2000). *Osnovy dukhovnoj kul'tury. Entsiklopedicheskiy slovar' pedagoga* [Foundations of spiritual culture. Encyclopedic Dictionary of the Teacher], USTU-UPI, Ekaterinburg, Russia. (In Russian)
- Benveniste, E. (1974). *Obshhaja lingvistika* [General linguistics], Progress, Moscow, Russia (in Russian). (In Russian)
- Brockhaus F., Efron I. (2007). *Illjustrirovannyj Entsiklopedicheskiy slovar'* [Illustrated encyclopedic dictionary], Eksmo, Moscow, Russia. (In Russian)
- Vorkachev, S. G. (2003). Concept as an "umbrella term". *Jazyk, soznanie, kommunikacija*, Iss. 24, 5–12. (In Russian)
- Vorkachev, S. G. (2011). Russian linguocultural conceptology: current state, problems, vector of development, *Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka*, 70 (5), 64–74. (In Russian)
- Vorkachev, S. G. (2016). Ex pluribus unum: linguocultural concept as a synthesis education. *Vestnik RUDN. Serija lingvistika*, 20, 17–30. (In Russian)
- Vorkachev, S. G., Vorkacheva, E. A. (2019). Discourse and its typology in Russian linguistics, *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 3, 14–21. DOI: 10.29025/2079–6021-2019-3-14-21 (In Russian)
- Dobrokhotov, A. L. (2001). Symbol, in Stepin V. S. (ed.), *Novaja filosofskaja entsiklopedija: v 4 t. T. 3* [New philosophical encyclopedia: in 4 vol. Vol. 3], Mysl', Moscow, Russia, 532–534. (In Russian)
- Yegazarov, A. (2003). *Illjustrirovannaja entsiklopedija simvolov* [Illustrated Encyclopedia of Symbols], Astrel-AST, Moscow, Russia. (In Russian)
- Ivin, A. A. (2004). *Filosofija: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophy: an encyclopedic dictionary], Gardariki, Moscow, Russia. (In Russian)
- Ivin, A. A., Nikiforov A. L. (1997). *Slovar' po logike* [Dictionary of Logic], Vldos, Moscow, Russia. (In Russian)
- Karasik, V. I. (2010). *Yazykovaja kristallizatsija smysla* [Linguistic crystallization of meaning], Gnosis, Moscow, Russia. (In Russian)
- Karasik, V. I. (2017). *Yazykovaja plastika obshhenija* [Linguistic plasticity of communication], Paradigma, Volgograd, Russia. (In Russian)
- Kondakov, N. I. (1975). *Logicheskij slovar'-spravochnik* [Logical dictionary-reference book], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)
- Krasnykh, V. V. (2003). "Svoj" sredi "chuzhih": mif ili real'nost'? ["A Friend" among "strangers": myth or reality?], Gnosis, Moscow, Russia. (In Russian)
- Losev, A. F. (1970). Symbol, in Konstantinov F. V. (ed.), *Filosofskaja entsiklopedija: v 5 t. T. 5* [Philosophical encyclopedia: in 5 vol. Vol. 5], Soviet encyclopedia, Moscow, Russia, 10–11. (In Russian)
- Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosfera* [Semiosphere], Art-SPb, St. Petersburg, Russia. (In Russian)
- Maslova, V. A. (2001). *Lingvokul'turologija* [Linguoculturology], Akademija, Moscow, Russia. (In Russian)
- Pervushina, N. A. (2011). The phenomenon of a symbol: conceptual problems of research, *Vestnik TGPU*, 11, 187–191. (In Russian)
- Pokhlebkina, V. V. (2001). *Slovar' mezhdunarodnoj simvoliki i emblemiki* [Dictionary of international symbols and emblems], International relations, Moscow, Russia. (In Russian)
- Radionova, S. A. (1998). Symbol, in Gricanov A. A. (ed.), *Novejshij filosofskij slovar'* [The latest philosophical dictionary], V. M. Skakun (ed.), Minsk, Belorussia, 614–615. (In Russian)
- Svasyan, K. A. (1980). *Problema simvola v sovremennoj filosofii: (Kritika i analiz)* [The problem of the symbol in modern philosophy:

(Criticism and analysis)], AN ArmSSR, Yerevan, USSR. (*In Russian*)

Spirova, E. M. (2009). Symbol functions, *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2, 205–211. (*In Russian*)

Sycheva, S. G. (2000). *Problema simvola v filosofii* [The problem of the symbol in philosophy], Tomsk UP, Tomsk, Russia. (*In Russian*)

Philosophical Encyclopedic Dictionary (2003), in Gubsky, E. F., Korableva, G. V., Lutchenko, V. A. (eds.), Infra-M, Moscow, Russia. (*In Russian*)

Sheikin, A. G. (1998). Simvol, in Levit, S. Ja (ed.), *Kul'turologija. XX vek. Entsiklopedija: v 2 t. T. 2* [Culturology. XX century. Encyclopedia: in 2 vol. Vol. 2], Universitetskaya kniga-Aletheya, St. Petersburg, Russia, 199–200. (*In Russian*)

Shelestyuk E. V. (1997). On the linguistic study of the symbol, *Voprosy jazykoznanija*, 4, 125–141. (*In Russian*)

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Воркачев Сергей Григорьевич, профессор кафедры иностранных языков, доктор филологических наук, профессор, Кубанский государственный технологический университет.

Sergey G. Vorkachev, Professor, Department of Foreign Languages; Doctor of Philology, Professor, Kuban State Technological University.